

Николай Новоселов

Так поговорим же о любви...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Николай Павлович Новоселов

Так поговорим же о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63074312

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть о том, как в Советское время, время поношения религии, время, когда с площадей и с трибун выступали антирелигиозные агитаторы, молодой парень попал случайно в старообрядческое село со своими устоями и нормами, как он буквально "вклинился" в ихние порядки и жизнь и стал своим среди своих. Ему, детдомовцу, нахватавшемуся с малых лет синяков и шишек, это было не сложно – душа плакала и просила душевного тепла и сочувствия. И он получил и то и другое, развил одною молитвою и сочувствием к ближнему своему способность исцелять человека. Содержит нецензурную брань.

Николай Новоселов

Так поговорим же о любви

Что такое человек, чтоб быть ему чистым, и чтобы рожденному женщиною быть праведным? Вот , Он и святым Своим не доверяет, и небеса нечисты в очах Его: тем более нечист и растлен человек, пьющий беззаконие как воду. Иов 15. 14-16.

Глава 1.

Когда был в возрасте совсем небольшом приехали с родителями жить в предгорье, с. Талица. С предыдущего места работы, как и с других, выгнали родителей, несмотря на многочисленное семейство, за пьянки и прогулы. До нашего приезда, а мы приехали ранней весной, завезли к нашему дому дрова и уголь, выбелили хату. Ожидали.

Дороги раскисшие, днем оттаивало, ночью подмерзало. Примерно рассчитав, когда должна подойти колхозная машина с нами и нашим скарбом, председатель послал трактор в центральную усадьбу, с. Урожайное, но мы задержались и три дня трактор нас ждал, благо трактористу было где ночевать. Только когда отпускные и расчет были пропиты, подцепили машину к трактору, и потихоньку, в ночь, добрались.

Колхоз специализировался на откорме молодняка, на производстве молока и меда. Поля засевали в основном гречи-

хой, горохом, кормовой свеклой, травами. Были и небольшие зерновые клинья. Заработки довольно высокие, работы невпроворот. Но это кто привык работать. На такое большое семейство председатель колхоза выделил корову, первотелку, двух свиней, зерна, сена для скотины, муки, меда, гречихи, гороха; сказал в колхозной столовой чтобы дали жира и масла. Все безвозмездно. И, верно ждал, наивный человек, что родители оплатят ударным трудом на благо колхоза и себя. Отцу дали новенький трактор, матери одну из лучших групп коров. Потянулись скучные дни для родителей, занятые работой в колхозе и дома. Корова столько давала молока, что выпить его столько невозможно: первое время мать перерабатывала его на масло, но скоро ей это надоело и все оставшееся молоко отдавали свиньям. Молоко, простокиша, запаренное зерно и комбикорм – скоро наши свиньи подползали к корыту, встать на ноги не могли. Что б от лени и жира не обезножили ограничили до нормы кормежку; и они забегали. Оставшееся молоко перед доением коровы мать теперь выливала в овраг, чтобы освободить посуду.

В колхозе помимо заработка, отдельно от него, начислялись трудодни, по вкладу колхозника на общественной работе, значимости этой работы, а главное, добросовестности и честности. За трудодни руководство колхоза рассчитывалось зерном, сеном. По деревне свиньи гуляли неисчислимыми стадами, на пруду, за околицей, – куда не глянь. Почему не держать, если есть чем кормить. По деревне было страшно-

вато весной пройти, взмахнуть рукой, не то что пробежать, – чуть ли не в каждом полисаднике от пяти до десяти уликов с пчелами. Народ, от мала до велика, очень занятой. Работает клуб, не пустует библиотека. В определенные дни клуб открывается для танцев. Пьянство –непозволительная роскошь для сельчан. Как кого увидели навеселе – собирается собрание и так « пропесочат», так настыдят, что в следующий раз и подумаешь и поразмыслишь, следует ли попадать в это « чистилище». Если, конечно, есть чем размышлять, если есть в части тела, покрытой волосами какие-то извилины а не «прямая» линия; а то может и её нет. Если нет совести, то как на неё можно « надавить». Если не было понятия чувства собственного достоинства, что ты человек, а не « отрепье», откуда ему взяться? Если нет уважения к себе, как оно может появиться к другим?

Родители перебрались сюда из поселка, где пьянство – норма жизни, и связанное с пьянством дебошь, разборки, драки, воровство –обычное и привычное явление. Всему удивлялись, все было в диковинку в этом другом мире, без скобок. И не понимали, и не стремились понять. Пришла соседка, спросила, есть ли картошка. Узнав, что нет, предложила « на первое время» два мешка и подчеркнула, что денег не надо. Отец пошел взял, и спасибо не сказал, принес домой. « Чоканутая наверно» –подытожил он смеясь, затаскивая картошку. Через некоторое время заходит другая соседка с большой чашкой творога, ставит на стол, пять минут

просидела, что-то спросила и ушла. « Да тут деревня дураков» — смеются оба. Но скоро поскучнели. Никто не идет с самогонкой, не угостит « за приезд». Нафига нужно это сало, творог, мед и прочая « ерунда», она ведь нужна не более чем закуска. Отец хватает кусок сала, а так как не запомнил, кто что приносил, тащит на продажу соседу, который это сало дал; обменять на самогон. « Вот ведь попал — сокрушался. Стоит сосед и говорит: « Не тебе я дал, я ребятишкам дал это сало, их пожалел. Не для того я давал, чтобы ты его менял на самогон, а чтобы ребятишки твои были сыты». — И забрал сало. А ведь можно было другим предложить».

Весть, что мои родители пытаются продать что им дали как всепомощь, вмиг облетела деревню. Вызвали к председателю мать. « Сидит, балбес, и выговаривает, что так делать нехорошо. Спросила денег, не дал, заработать, говорит, сперва надо. И что дальше-то сказал, слушай. На собрании будем решать вопрос, давать ли вам деньги на руки. Сразу, говорит, после первой пьянки соберу собрание и денег вы получать не будете. Будем на ваши деньги сами покупать продукты и все необходимое, если вы такие беспомощные. Вот ведь паршивец, а?».

— А, не имеет права — отмахнулся отец. Ты лучше подумай, как сплавить этот мед, кому? И разбежались по деревне. Но не нашлось в деревне гавнюка. Вернулись раздосадованные.

Аванса в колхозе не давали. Да и большая часть колхозни-

ков и получку переводили на сберкнижку, подкапливая для своих ребятишек. Скупщики мяса, меда, ягод, грибов разъезжали по поселку, в то время в основном цыгане, и не нужно было как тогда, так и сейчас ездить на рынок продавать излишки сельхозпродукции, и сельчане не очень-то нуждались, и не жили «от получки до получки».

Но если отец перемогал, так сказать, «похмельный синдром», что-то мог, пересиливая себя делать по дому, ходил на работу и работал, мать без «опохмелки» не могла прожить и дня, все у неё валилось из рук, весь день могла просидеть на стуле, тупо и тоскливо глядя в окно. Ничего не мило на белом свете без рюмочки водки. Отец ворчал на неё, «понукал», а так как понукать ему надоело, для себя и нас сам варил кушать. Мы и не спрашивали с матери кушать, а ждали отца с работы, ему надоедали. Не прошло и недели как председатель по жалобе бригадира снял мать с группы, чтобы не загубила коров и перевел в подсобные рабочие; где что поднести, унести, раздать коровам перед дойкой свеклу. И не нужна была она там, с этим справлялись скотники, но пока оставили, до тех пор, пока коров не перевели на летнюю дойку. Мать перевели работать уборщицей в контору. Земля просохла, трактора работали на вспашке зяби круглые сутки, трактористы по двенадцать часов. Отца от недоедания, так как и сварить и испечь лепешку было некому, пошатывало. И отцу и нам надоело молоко до ташнотиков, одно молоко, без чего бы то ни было. Праздником был тот день, когда мать

испекет несколько лепешек к молоку, и блаженство, если к тому же картошку в «мундирах».

Но, наконец-то, настал долгожданный день. День полочки. Кончились дни вынужденного «поста». А так как продукты питания колхоз дал, да и соседи—придурки натаскали, за год не съешь, на одну полочку, довольно неплохую, купили в магазине водку, другую приберегли «на опохмелку». Эх, жаль, в этой дурацкой деревне и выпить-то не с кем, в Комарово-то бы нашлись, ну да давай Маша и вдвоем «врежем» по стаканчику. И раз, и два. Эх, хороша. И три. И носом в пол. У тракториста кончилась смена, сменщика нет. Ч.П.. Он к председателю. Председатель к нам. Работник его в бесчувственном состоянии на грязном половике. Махнув рукой, идет, снимает с дойки скотника и садит его на трактор.

Если в совхозах на время массовых полевых работ запрещали продажу спиртного, в колхозах, и не только в нашем, запрета не было, ибо не было в этом нужды. Запретили, на «опохмелку», когда пришла нужда, а она пришла очень скоро, нужно было ехать в город, но и там действовал «сухой закон» на время полевых работ. Но, побегав, купить можно было.

Пришла с лугов корова. Время дойки, а хозяйки нет. Потихоньку начала мычать. Хозяйки нет. Прибавила голос. На рев прибежали две соседки: —что случилось? Заходят в дом — все понятно. Которая помоложе идет доить корову; баба На-

стя, пенсионерка, зовет нас с собой, чтобы накормить.

Утром полстакана на опохмелку; мать шустрая и бодрая, подоила корову, отправила в луга; еще полстакана – и вообще весело дело пошло. Так, борщ сварить надо, –садимся картошки чистить, –а зачем её чистить, и так пойдет; да и мыть необязательно, сожрут, не подавятся. Так, водки полно, торопиться некуда, –маленько бы надо постираться. За-мочили, намылили. Так, пусть полежит. Еще полстакашка. Совсем весело. А вон и мой возвращается, еще веселей будет:

—Что, не пошел на работу?

—Так ведь, пока я на работе, ты здесь все выжрешь.

—Да ты чё, здесь на неделю а то и более хватит.

—Варить-то что-нибудь варила?

—Да наверно и сварилось. Сейчас сальчика поджарим, и вообще весело будет.

—Ребятишек кормила?

—Да вроде что-то таскали со стола,–не замрут.

Интересно, что мы могли таскать со стола, когда на нем нет ничего.

К обеду родители «готовы». И опять вечером мычит корова, опять приходит соседка чтобы её подоить; уводит нас, кормит. И на следующий вечер такая же история. Но, предупрежденный председатель к этому времени подослал скотника с наказом, что если опять доить корову будет некому, забрал и отвел на скотный двор, –не пропадать же скотине.

Что скотник и сделал.

Я восстанавливаю жизнь в с. Талица не только по своей памяти. Много позже, из Горного Алтая приезжал за семенным зерном для посева от совхоза; хоть и мал я был –меня узнали; и спрашивали, и рассказывали, и вспоминали за чашкой чая.

— Никогда таких пьянчуг, как твои родители, здесь не было, и я уверена, не будет –говорила баба Настя, именно у неё я остановился –поблагодарить; –ведь и мы здесь иногда погуляем, песни попоем; но никто ум не пропил и совесть в грязь не втоптал. Везде должна быть мера, и всему свое время. А у твоих родителей была одна извилина, и та прямая, а о совести и понятия не знали.

—Баба Настя, гулять к нам приходили то два, то три мужика, но что-то быстро ходить перестали?

—Твои родители всегда ходили навеселе, выпьют по полстакана, и на работу. Не считая тех дней, когда « перебирали» и по своему состоянию выйти не могли.

И дней таких довольно много было. Я по соседству жила, придешь к вам, везде грязь, блевотина, вы что-то копаетесь, пытаетесь себе сварить. Заплачет сердце, уведу вас, накормлю. Отцу-то, Паше, после того, как он утолил «жажду», опять отдали его трактор; да, он ходил почти всегда навеселе, но и работал. Поддавал он иногда «жару» твоей матери. Придет с работы голодный, ребятишки голодные, жена же пьяная спит. Ну и «разукрасит» её. Ходит «синенькая», веселенькая, пьяненькая. Все нипочем. Урок пошел впрок. Раз в месяц, дня на три, гулевать совсем переставали, наводили дома порядок, чистоту. В эти три дня мы нарадовать-

ся на них не могли. А потом опять все начиналось сначала. А этих трех председатель вызвал и разговаривал с ними на улице, чтобы больше народу слышало, на совесть «надавил». И когда собрал проходящих сельчан поболее, только и сказал: «Что у них ребятишки голодные и грязные, пусть будет на их совести. У них есть что сварить и из чего сварить. Так пусть же непотребство будет на их совести, не лезьте вы туда, не марайтесь в этом дерьме. Вы не останетесь без вины, что вы с ними пьянствуете, голодные глаза этих ребятишек и на вашей совести». Один из собутыльников пошел и настыдил твоего отца; вот тогда-то мы и увидели первый раз твою мать «синенькую». И никто уже больше к вам не заглядывал. А учить вашу мать – пускать слова на ветер. Да и отец не менее, как бы не поболее «поддавал». Работает, работает, помаленьку, да помаленьку «для веселья» выпьет, да в какой-нибудь день и «переберет». И день и два тогда гуляют. Но с работы не выгоняли из-за вас, ребятишек. Из-за жалости. Хороший щит они из вас сделали; безотказный. Жалость и сочувствие людское к маленьким гражданам называется. Но подумали бы люди, высоко поставленные мужи, там, наверху, что и маленькие граждане нашей великодержавной страны; – они граждане; не гнилая картошка в нашем погребе, никуда негодная, которую при переборке выбросим; не должны они служить щитом подонкам, которые называются родителями; что они граждане, а как граждане, пусть маленькие, они должны пользоваться всеми правами

на защиту своих прав. Но увы, маленькие граждане полностью зависят от своих родителей, которые не родители. Так есть, сынок, и так долго еще будет. И потому-то, сынок, не выгоняли твоих родителей с работы, держали за ними рабочее место. Кто бы их держал на работе, «няньчился» с ними, уговаривали и увещевали, если бы не вы. Выгнали, да и весь разговор.

—Баба Настя, но ведь отняли у нас корову, отобрали, оставили нас, малышей, без последнего источника пропитания?

—Не председатель вас оставил без молока а ваша мать. Если бы скотник не увел корову на скотный двор, одну из лучших коров, —пришлось бы заколоть. Вот и женщина после родов выщезивает из груди все до капли, что не съест ребенок, что не высосет, чтобы не образовался мастит, чтобы можно подолее кормить грудью ребенка, не переводить его раньше времени на искусственное вскармливание; чтобы ребенок рос крепким и здоровым. Если женщина будет смотреть за собой, придерживаться санитарных правил, что советуют врачи — и следующий ребенок у ней будет здоровый, и следующего она вскормит грудью. Также у всего живого, живущего. Да, председатель забрал корову, но когда твои родители «отгулялись» и пришли к нему, мать твоя упрекнула его, что мол он изверг, оставил её детей без молочка; на что он ответил, что забрал корову от жалости к корове, а мать твоя пусть берет молоко на ферме сколь ей заблагорассудится, распоряжение он отдал. И мать твоя раза три и правда

брала на ферме молоко, пробежит по деревне с пятилитровым бидончиком, никто у ней не купит, несет домой и выливает свиньям. «А у ребятишек есть молоко?» – спрашиваю. «Свиней можно продать» – говорит, посмотрела отсутствующим взглядом на меня и зашла в дом. И перестала брать молоко.

На поселок опускался вечер. Под раскидистой плакучей березой было уютно; над нами висела электрическая лампочка, которую пока не зажигали, в недалеком болотце крякали утки. Баба Настя, её дочь и зять бабы Насти, сидя за столом в садике с интересом слушали и вновь переживали былое.

— Это сейчас, сынок, закупки излишней сельхозпродукции производят всевозможные закупочные организации, тогда же этим занимались цыгане. Жили цыгане в соседнем селе, Сростках; жили общиной во главе со своим бароном, так они называли своего старшего. И никакого воровства или обмана не делали, без пакости. Семья, как говорится, не без уроды, но пару раз пожаловались барону и пакости прекратились. И в один из дней, когда у твоих родителей кончилось «зелье», смотрю, отец твой тащит в телегу цыган мед во фляге. Я подошла к нему, говорю: «Паша, оставил бы ребятишкам». Поставил флягу на землю и отвечает: «Ты, тварь, еще слово скажешь, разукрашу, сам Бог не узнает». И разукрасил бы, сынок, не посмотрел на старость. И обменял полфляги меда вместе с флягой на три бутылки водки. Немного погодя и свиньи к цыганам ушли. И ты знаешь, не обиделась я

на Пашу, ведь на него обижаться что на столб за то, что на нем провода гудят, или на дерево, что в нем ветер листьями играет.

—Я помню, баба Настя, как вы нас, всю малышню много раз кормили, спасибо Вам, спасибо за Ваше доброе сердце.

—Да я ли одна, Коля. Весь поселок. Когда все, что у вас было, вплоть до муки, « расфукали», вы , ребятишки ходили на склад взять гороха и гречки, чтобы что-то сварить. Я сама много раз видела как на обратной дороге вас зазывали, чаще председатель сельсовета, она рядом со складом жила. И что , сынок, их всегда поражало, так это ваша благодарность. Только и слышно «спасибо» и «спасибо». Только что ножкой не расшаркивались —смеялись в сельсовете. А ведь от Паши никогда никто не слышал и слова благодарности за все доброе что сделал вам колхоз и люди.

—Баба Настя, расскажите как проходил сход колхозников, я помню, бурный он был?

—Бурный, Коля, бурный. Надоело нам смотреть на ваши голодные глазенки и решили мы собрать сход села чтобы решить вопрос о лишении родительских прав твоих родителей. Собралось все село, от мала до велика, заранее пригласили районного прокурора. Твои родители пришли на сход с большим запозданием, очень сильно « навеселе» —все нипочем; вместе с вами. Председательствующей на сходке была председатель сельсовета. Как и на предыдущих собраниях колхозников все высказывались очень эмоционально, стыдили,

грозились, что если твои мать и отец не будут смотреть за вами, будут пьянствовать их лишат родительских прав. И если Паша показывал вид, что ему стыдно, что-то «мямлил» в свое оправдание, мать же похикикивала пьяненько и не слова не сказала, до тех пор, пока не стали грозить, что её могут лишит родительских прав. « Да кто же это может меня лишит? Кто это сможет отобрать моих ребятишек у меня, мою защиту, мое оправдание? А ну, ребятишки скажите, с кем вы хотите жить, в детском доме или с мамой? Скажите этим дуракам : « с мамой». И вы все и сказали « с мамой», что вы еще могли сказать. –Вот так-то, –подытожила ваша мать, садясь на свое место. Собрание продолжалось. Вызвали и меня, как самую близкую соседку. Рассказала, какая у вас грязь, что вы всегда голодные, что все съестное пропито. Рассказала как есть, без всяких личных выводов и нравоучений. Проголосовали единодушно, все до единого за лишение твоих родителей родительских прав и оформление вас в детский дом. Дали слово прокурору. Прокурор встал с уже раскрытой книжечкой и зачитал, и объяснил что лишит ваших родителей прав на вас колхозное собрание не в праве, как никакое другое общество и государство, и что он в этом вопросе, при всем его желании решить положительно не может, нет у него таких прав.

Идя с собрания, посмеивались и злорадствовали над сельчанами « Что, ничего не вышло, и не могло выйти. Наши ребятишки, с нами и останутся, наша защита и опора. Ну а

тебе, старая, чтобы меньше распускала язык, подопрем двери и пустим * петуха*». И ты знаешь, сынок, я испугалась. Свернула до дочери, рассказала зятю. Зять берет берданку, зовет соседа и идут к вам. Твой отец потянулся за топором, но заряд картечи у ног успокоил его. Разошлись мирно, придя к соглашению, что Паша оставит меня в покое.

Немного вы здесь пожили после собрания. В отчуждении от всех, без «своего» сообщества. Твой отец уехал искать более-менее сносных условий для себя, общества, где бы с ним разделяли застолье, где более разнузданные нравы. И вскоре приехал за вами. Нашел он, сынок, «свое» общество?

—Нашел, баба Настя.

Нашел. Нашел. Себе могилу, супружнице —тюрьму, нам — детский дом. Сколь веревочке не виться...

Глава 2.

Нам всегда чего-нибудь не хватает. Одному не хватает на чай, другому на « опохмелку», третьему —«подковать» свой «мерседес». Что может быть важнее на белом свете, как не решение своих проблем? И вот уже брат проехал мимо брата, идущего по дороге, сестра поссорилась с братом из-за лежа квартиры, сын отправил мать в престарелый дом, что б не докучала своей мудростью, тетки бросили племянников на улице на само выживание. Погрешаем ради маловажных вещей и « богатство и благополучие» наше затмевают нам глаза.

Сколь веревочке не виться, конец будет. В глухой лесной деревушке мать с отцом допились в конце концов. Отца унесли сельчане на погост, мать в «места не столь отдаленные». Суд недолго заседал; зачитали приговор, в машину расселись, и укатил. И увез с собою мать. На суд приехали две сестры и брат матери. Через полчаса после суда автобус в город отправляется. Обняли нас тетки «вернемся за вами», быстренько утерли слезы по сестре, в автобус, и нет их. И стоим мы на дороге, четверо пацанов, старшему двенадцать, младшему пять лет. Февраль, холодно. Пошли домой. В доме не топлено, кушать нечего. Пошел с братом, разломали соседский забор, нарубили дров, затопили печку, поставили картошку в «мундирах». Стоим возле печки, отогреваемся. Пришел сосед с охапкой своих дров и с куском сала за пазухой. Положил дрова возле печки, вытащил и положил на

грязный стол, очистив место, сало. Посидел молча полминуты, встал и молча ушел. А нам уж и все-равно, будет он нас ругать за забор, или нет; не замерзать же. Недолго он пробыл дома, вернулся с женой и дочкой. Принесли с собой остатки борща и полбуханки хлеба. Пока борщ разогревался на печке жена с дочкой, моей одноклассницей быстро помыли стол, посуду и рассадили нас за столом. И все молча. Пока мы кушали, подмели пол. Наевшись, в тепле, братишки «заклевали» носом — спать. Укрыв их потеплее, присел на лавку рядом с дядей Веней. Перемыв посуду присела и тетя Маша. Жду, начнут ругать. Помолчали.

—Родственники-то уехали?

—Уехали.

—Вернутся?

—Не знаю.

— А если не вернутся, как жить будете?

—Не знаю. Что я могу еще ответить?

— Может и вернутся. Они суд заверили, что вас заберут и по вас суд решения никакого не принимал. Но как вам сейчас-то прожить?

—Откуда я знаю, тетя Маша.

—Ладно, иди спать, горемыка. А дрова бери из нашей поленницы, не ломай забора.

—Прости, тетя Маша.

—Ладно. Завтра навестим.

Ушли. Еще раз посмотрев как укрыты братишки, примом-

стился и я рядом с ними на полу.

Пока родители гуляли мы, как правило, не ходили в школу. На следующий день, утром нас разбудила моя учительница. Зашла в дом, мы не запирались на крючок, и растолкала. Сидим, хлопаем глазенками.

— Давайте-ка умываться, кушайте и в школу. И быстренько, засони.

— Любовь Алексеевна, а Витю куда?

И тут заходит дядя Вена. Мой вопрос он услышал.

— Пусть идет к нам. Люба, ты бы зашла к директору лесхоза; у них ни полена дров.

— Хорошо. Через полчаса что б были в школе.

С дровами вопрос решили быстро. Пока мы были в школе, остановили первый лесовоз, объяснили ситуацию и сбросили два бревна. Когда пришли из школы, дядя Вена уже бензопилой их распилит и часть успел переколоть. Отпросился с работы. Положив сумки, начали стаскивать дрова в поленницу, я с сыном дяди Вены, Сашей, докалывать, дядя Вена с младшими укладывать. Тетя Маша тоже отпросилась с работы и хозяйничала с дочкой Надей в доме, перемывала посуду и полы, выхлоповала постель. И только когда управились, сели за стол всем «гамбузом», вдвоятером. Пришла моя учительница и тетя Маша и её посадила с нами. Обед прошел весело. Саша сбегал за отцовским баяном и после обеда дядя Вена развлекал нас музыкой, а тетя Маша с Любовью Алексеевной спели несколько песен.

— Хорошо с вами, но ведь и домой пора. Я вот что зашла. Коля, сразу после школы заходи в столовую лагеря, где твоя мать работала, там отдельный вход, знаешь. Директор школы договорился чтобы вам там давали уже готовую пищу. Договорились?

— Хорошо, Любовь Алексеевна.

— Вот и этот вопрос решен. Молодец, Люба.

— Да я то ни при чем, директор договорился, я только пришла сказать.

— А если не приедут родственники?

— Там видно будет, Маша. Сейчас что б не застыли. И с голоду не дадим помереть. Что мы, нелюди. Бродячую собаку жалко, а это человеки, да еще и маленькие. А вам учиться, не пропускать уроков. Ясно?

— Ясно, Любовь Алексеевна — хором.

— Тогда всего хорошего. Вы бы, Маша, тут по мере возможности посматривали?

— Постараемся, Люба.

— Ну все, обо всем договорились, до свидания.

— До свидания.

И побежали дни за днями. После уроков заходил в столовую, брал обед и домой. Надо затопить печку, разогреть обед, покушать и готовить с братьями уроки. Вместе с нами всегда готовили уроки и Саша с Надей. Прямо на полу, стола для приготовления уроков не было, а на обеденном делали уроки два моих брата. Иногда заходил дядя Вена, столярка

была через дорогу; поиграет на баяне, он его у нас и остав- лял, не унес домой, минут пятнадцать, потихоньку, не ме- шая нам, посмотрит как мы делаем уроки и уходит в мастер- скую. Через неделю со столярки принесли большой стол и две скамейки, чтобы всем можно было уместиться. Пожалуй на столе удобнее, чем на полу. На всякий случай, про запас, натаскали обрезки от досок из столярки, изрубили и сложи- ли в сарай. Вечером, после работы забегала тетя Маша, за- бирала своих, чтобы они помогли управиться, напоить и на- кормить немногочисленную скотину, а потом приходили к нам, чтобы помочь что сделать необходимое. Утром, в шко- лу, нас подымал дядя Вена; перед подъемом растоплял печ- ку и разогревал, что осталось от вчерашнего обеда и ужина.

Немного лет тому назад тетя Маша осталась одна с сы- нишкой, дядя Вена похоронил жену и остался с дочкой. Что- бы не маяться двум одиночествам сошлись и жили душа в душу, в согласии и понимании. И все у них было неболь- шим: зарплата мизерная, домик не более двенадцати квад- ратов жилой площади, банька —одному помыться, да и воду таскать не близко. Десять кур, одна свинья. Коров на весь поселок не было ни одной, кругом бор, выпасов нет, косить сена на зиму негде.

Чтобы всем помыться тетя Маша договорилась с одно- сельчанином, у которого и банька попросторнее и вода ря- дом. Он дал согласие, но запросил дров. С дядей Веной пере- таскали полполенницы, чтобы не отказал в следующий раз.

И после первой же бани тетя Маша перестирала наше бельишко и простыни.

Есть ли мера веса благодарности, и какой мерой оценить черствость и жестоковыйность, бездушие? Прошел февраль, середина марта. Но весна задерживается со своим приходом, валит снег, завывают бураны. В этот день особенно была непогодь, ветер валил с ног, бросая пригоршни снега в лицо, задувая за шиворот старенького осеннего пальтишки. Тряпочные рукавички, что сшила тетя Маша, не греют. После занятий, отправив братьев домой, отправился в лагерную столовую, от дома более километра.

Туда, по ветру, добрался быстро. Захожу. Когда ни приду бидончик уже наполнен первым блюдом, а когда и вторым; и даже жиринки попадают. Бидончик не тронут. На скрип двери вышла пьяненькая повариха:

— Сынок, вы на довольствии в лагере не числитесь, начальство запретило вам давать. Если я тебе дам, меня выгонят с работы. Бери бидончик и шагай.

С пустым бидончиком, против ветра — долгой мне дорога показалась. От унижения глаза застилала слезы. А может пустой желудок плакал, может из-за ветра, что в лицо бил? Возле дома утер лицо снегом. Когда зашел, сразу обратил внимание — баяна дяди Вены нет. Забрал. Дома не топлено, в незаклеенные окна, в щели задувает ветер и на подоконнике небольшой слой снега. Толя принес дров, нащипал лучину, а разжечь печь не смог. Три пары голодных глаз на меня уставились. Поставил пустой бидончик на пол, он жалобно звякнул; пошел сорвал с крыши сарая кусочек рубероида, разжечь печь.

— Не дали? — спросил Вася.

— Давайте-ка, братишки, сварим картошку в «мундирах».

— А у нас соли нет.

— Давайте поищем.

Облазили пустую столешницу, нашли немного соли. Но после месяца, что мы нормально питались, не очень нам

вкусной картошка оказалась. Под вечер из окна видели как дядя Вена закрыл мастерскую и пошел домой, не глядя на наши окна. Чуть позже и тетя Маша прошла, и тоже не заглянула.

Под вечер разыгралась метель пуще прежнего. Слышно было как в бору ухают, падая, сосны, вывороченные ветром, как падают крупные сучья на дорогу. Топили печку беспрерывно, но в комнате холодно, все выдувало через окна. Так и простояли остаток дня и вечер вокруг печки, прижавшись к ней.

За полночь утих ветер, к утру совсем успокоилось, выглянуло солнце. Встал до света, растопил печку, поставил варить картошку, чтобы хотя бы свеженькую поесть; и старой, вчерашней половина осталось. Толик тоже встал, выбежал в сенцы, принес фитиль и стал его чинить, завязывая узлами немногочисленные дырочки. Без ветра в комнате стало быстро тепло. Братья проснулись, но из под одеяла не вылезли.

—Хватит спать, засони, картошка сварилась, давайте к столу.

Поднялись и не очень охотно пошли к столу.

— Давайте, для начала, мордашки ополосните.

За столом Толик спросил:

—Коля, ты же с отцом ставил фитили, помнишь сколько много рыбы привезли.

— Так мы их ставили заранее, когда ехали за лесом, на обратном пути снимали. И их было шесть, а здесь один. И

в фитили надо что-то положить съестное, иначе карась не пойдёт.

— Положим картошки. Погода нехолодная, подождем немного.

Дома наложили картошки в фитиль, взяли монтажку, лунку во льду долбить и отправились вдвоем. По лесовозной дороге до озера добрались быстро, от поселка полтора километра. Из дома захватили две палки, чтобы в воде растянуть фитиль. Озеро начиналось прямо от дороги; шофера, трактористы утром долбили лунки, ставили фитили, а на обратном пути снимали их, и всегда были с рыбой. Февраль был для зимы теплый, да и март не очень холодный, лед стал «ноздреватый» и я сразу на это обратил внимание; больше, правда, насторожило то, что не было на льду никаких следов.

— Не ухнем, Толик?

— Давай недалеко.

Но только зашли на лед, он под нами просел и мы по пояс в воде. Выбрались на дорогу и бегом домой. Пока выбирались из воды, хватаясь за прибрежные камыши, одежонка вымокла до нитки, на морозе застыла и мешала нам не то что бежать, идти. Добрались до дома, и к печке, — хорошо что братья её поддерживали, топили. Попробовали снять одежонку — не получается. Дрожжа, прижавшись к печке, ждали когда оттает одежда, чтобы её скинуть. Своим ледяным панцирем она облегла тело и оттаивать не хотела. С полчаса мы освобождались, наконец скинули и «нырнули» под одеяло.

Дрожь была немилосердно, младшие сбегали и взяли сухих дров из поленницы соседей, подбрасывали в печку не жалея. И мы с братом окунулись в беспамятство.

Очнулся от прикосновения «холодных» ладошек на лбу. Фельдшерница.

— Очнулся, горемыка. Я уже поставила вам по уколу, вы сейчас снова уснете и будете спать до утра. Но вначале идите к столу, покушайте, я принесла немного супа. Давайте вставайте. Братишки ждут.

Голова «приятно» кружится, жарко до невозможности, а кушать хочется. С помощью доброго человека поднялись и, придерживаясь за неё и за друг друга добрались до стола. Когда по желудку разлилось долгожданное тепло мы уронили голову на стол, и тут же, сидя, уснули. Разложив нас, закутав, пообещав братишкам, что утром обязательно придет, женщина ушла.

Утром, в полубреду, я слышал как тетя Маша оправдывалась перед братьями:

— У нас , ребятишки, вас кормить нечем, вот мы и не приходили к вам. Сходила я к лагерному начальству, так меня к нему не пустили, и он ко мне не вышел. Все твердят, что надо вас оформлять в детский дом, а кто за это возьмется? В Барнаул ехать, ночевать там. Автобус-то ходит два раза в неделю. Я рассказала своему начальству, директор лесхоза переговорил с лагерным начальством, еще неделю будут вам выделять кушать. Теперь уж сама буду ходить, или Надю по-

сылать.

Четыре дня пролежали с братом в бреду, без сознания. Врач, тетя Катя, дядя Вена с женой, Надя не оставляли нас ни на минуту, попеременно меняя друг друга, бегая за врачом, когда им казалось, что нам стало хуже. Васю, тем не менее, отправили в школу. На пятый день очнулись одновременно. Тетя Катя, врач, накормила нас, и наказав Наде чтобы нам кушать более не давала, ушла домой. И когда мы хотели подняться, чтобы еще поесть, Надя насильно уложила нас: « Не велено». Подчинились. Выздоровливали быстро. На третий день, как пришли в себя, выбрались на улицу. Тепло, благодать. Но больше чем полчаса нам Надя не дала нежиться на солнышке: « Давайте в дом, шагайте, шагайте. Расселись.». «Командирша» –ворчит брат, идя домой. « Да, командирша, и ты будешь подчиняться, я за вас отвечаю».

К обеду приходит тетя Маша с полными сумками:

— Выделил директор лесхоза шестьдесят рублей, чтобы я вам накупила продуктов. Теперь живем, ребятишки.

Ближе к вечеру пришла моя учительница. Посидела некоторое время молча, смотря на нас. Мы в это время сидели за новеньким, пахнущим смолой, столе и делали уроки, кто ходит в школу, я же с братом, как «прогульщики» больше мешали, чем помогали.

— И как себя чувствуют больные?

— Плохо, плохо они себя чувствуют, они только пришли в себя –« затараторила» Надя.

— Да нормально, Любовь Алексеевна. Голова только немного кружится при ходьбе, а так ничего — бодримся.

— Давайте завтра ребятишки в школу. Пересильте себя; будете шевелиться, быстрее хворь пройдет. Хорошо?

— Хорошо, Любовь Алексеевна.

И опять побежали дни за днями. Плоховато учеба давалась, очень много было пропущено, все, что пропущено, надо было наверстать. У обоих долго еще голова кружилась от слабости, а тут двойная нагрузка. Но успевали и уроки делать и поиграть. В середине апреля, взяв лодку из камеры, пошли втроем на озеро, дядя Вена, Саша и я, разломали шестом рыхлый лед и поставили фитили. Рыбы попало довольно много, тетя Маша на попутном лесовозе съездила в большое село, Бобровку, продала и у нас появилось немного денег. У нас, имею в виду единую нашу семью, объединенную. И с этих пор это стало для нас неплохим источником дохода. Раз в неделю я с Сашей отправлялся на озеро, в субботу, ставили фитили, утром в воскресенье снимали с рыбой и тетя Маша тут же увозила и продавала. Возвращалась также на попутном лесовозе.

Стоит только появиться дяде Вене, мой младший возле него, заберется ему на колени и прижмется к груди. Ну прямо как кот, любит ласку. Дядя Вена перебирает Витины кудряшки, а в глазах слезинки. Вот ведь, к тете Маше не так ласкается, но и к ней не пропустит случая забраться на колени, но тетя Маша беспокойная женщина, все ей куда-то надо бе-

жать, что-то делать, и здорово не приласкаешься. Она и присядет-то, и то что-то берет в руки то зашивать, перешивать на такую большущую семью. Швейная машина, такая диковинка в то время, не простаивала. И особенно она заработала после объединения семей. Жители поселка пересматривали, что надо зашить, перешить и несли тете Маше. А расплачивались продуктами, что было весьма кстати. Лесхоз только раз выделил деньги на продукты, и на этом помощь закончилась. А впадать в унижение, просить помощи, что подавания, тете Маше не хотелось. Да и кому захочется? Те пять дней, что тетя Маша ходила за борщом в лагерную столовую, она запомнила это чувство унижения на всю жизнь. И отпускали без лишних слов, но вначале-то надо было убедить, что нам надо было этого борща. И без тети Маши с дядей Веней, если бы не взяли они нас под опеку, не нашлось бы ни одного человека, среди всеобщего бездушия, кто бы нам помог, и мы или бы замерзли или перемерли с голодухи в скором времени, как нас покинули тетки. Это благодаря тете Маше и дяди Вены, истинных родителей, мы радуемся каждому дню, радуемся солнышку. Ведь никто не принес просто так, как помощь, и куска хлеба, что б накормить такую ораву. Что б сводить нас в баню перетаскали односельчанину всю поленницу и ходили в бор за сучьями. Половину поленницы он сложил себе, а когда другая половина закончилась, он запретил топить баню. И, благодарение Богу, в каждой деревне и населенном пункте найдутся дяди Вены и тети Маши, которые

придут в критический момент на помощь, накормят и обогреют. Но не всегда сердобольные люди оказываются рядом в нужное время –и замерзают одинокие старики в нетопленных избушках и падают в обморок от недоедания школьники в школах. И у кого « зажметса» сердце и заплачет о чужой беде, когда своих проблем « выше головы».

Не было у нас дома такой чистоты и уюта, как когда мы попали под опеку тети Маши. Все перемыто, перестирано, зашито и проглажено. На нас брючки и пиджачки выглажены, рубашки выглажены. Утюг –рабочий инструмент дяди Вены. Особенно следили чтобы наша Надя была « на высоте», красивой и опрятной.

Но не все же одни работа и забота. Устраивали дядя Вена с тетей Машей и для себя и для нас праздники. Дядя Вена обладал удивительным слухом и знал возможности баяна в совершенстве. Не зная нот и не стремясь их узнать, он никогда не останавливался на достигнутом, каждую свободную минуту «пиликал и пиликал». «Ну, опять распиликался» –ворчала добродушно тетя Маша. Тренируясь дома, один раз в неделю он приносил баян к нам, так как у нас, барачного вида доме, было более просторно, и давал концерт малышне. Ни до того, как мы попали под их опеку, ни с ними я не видел чтобы мои новые родители были пьяненькими, и не было в нашей новой семье разборок типа –«ты меня уважаешь, или не уважаешь». Сторонясь дерьма, тем самым они и нас оберегали от грязи. Для веселья выпьют по рюмочке дома в вос-

кресенье, и к нам с баяном. Зная это, в определенное время к нам сельской малышни набивалось – не протолкнуться; приходили с детьми и взрослые. И начинался концерт, песни, пляски. Споют молодыми, и не очень, голосами «Куда бежишь, тропинка милая», « Калина красная», « Хороши вечера на Оби» и много чего другого, частушки. «Подключал» к концерту и подростков, и детские песни у нас здесь пелись более дружной и веселей, чем в школе на уроках пения, хотя в школе пели тоже под его руководством. Сдвигались вдоль стенки кровати, столы – освобождали место для вальса. Так цыганочку «отчебучат», доски пола гнутся и стекла в окнах дрожат. Тетя Маша, Мама, любительница спеть и повальсировать, – поневоле с таким мужем научишься, – не могла позволить себе такую «вольность».

Петь –пой пожалуйста, но с места не сходи. Как только отец с матерью появились мой пятилетний братишка топал к тете Маше, забирался к ней на колени, ложил на грудь голлову и засыпал. Попытки уложить его на кровать или передать в чьи-то руки не увенчивались успехом. Витя хватался своими маленькими ручонками за кофточку и начинал хныкать. Это было его законное время на ласку. Мама перестала даже и делать попытки.

После трех таких концертов, когда после слушателей нужно дополнительно делать генеральную уборку и расставлять все по местам, отец перестал играть для публики до лета, когда можно будет развлечься на улице. Нас он этого удоволь-

ствия не лишил.

Начиная с того дня, как я с братом искупались в не очень теплой воде и не в очень теплое время года, когда лежали в горячке, главной сиделицей при нас была Надя. Сразу после уроков к нам, сменяя взрослых, кто был при нас, готовила кушать, поддерживала порядок и чистоту. Накормив братьев, с Сашей и Васей садятся за стол делать уроки. Только мы что-то забормочем несвязное в бреду, посылает Сашу или Васю за врачом, сама меня холодные компрессы на наших лбах, как её научила врач. На ночь с нами оставались или тетя Маша, или дядя Вена, отправляя дочь выспаться домой. Когда мы выздоровели и пошли в школу, к нам перебрался жить Саша, Толи ровесник. Мы так-то все время были вместе, а вечером, после того как сделали уроки и набегались по улице он остался у нас ночевать. Спать мы любили на полу, вместе. Стаскивали с кровати матрасы, подушки, расстилали их на полу. Положили Сашу в центр, сами по бокам, укрылись и спать. Не дождавшись сына пришла мать, зажгла свет. Мы уставились на неё, кто не уснул, «непонимающими» глазенками. Посмотрев на нас, поправив одеяла, выключила свет и молча ушла.

Участие, забота о другом, да еще когда вся ответственность лежит на тебе одном и из ребенка делает взрослого человека, мудреца. На нас, на пацанах, была обязанность привезти на санках из бора сухих сучьев на растопку, так как сухие дрова мы перетаскали односельчанину; сырые дрова

были с избытком, а вот сухих не было. Что мы с удовольствием и делали, пока лежал снег. А снег в тот год и морозы держались до середины апреля; что зима «не взяла» зимой, «отыгралась» на весне. И за месяц мы довольно большую кучу сучьев натаскали. Надя все свободное время помогала матери кроить и шить. Научилась работать на швейной машинке и под руководством мамы нашла нам трусики, рукавичек, маечки. С какой гордостью и самоуважения она вручила нам собственноручно эти трусики и маечки в очередной банный день, поставив пацанов в неловкое положение. Из-за перегруженности мамы заказами вся ответственность за поддержание чистоты и уюта, приготовление пищи в обоих домах легла на Надю. И все мы, и папа тоже, были у ней в беспрекословном подчинении. Но если к отцу отношение уважительно, нам все в приказном тоне, с потарапливаниями и понуканиями. «Ну, подожди, отомстим» – ворчал, как правило Толик или Саша. «Давай, давай, мститель, пошевеливайся, спишь на ходу.» И «мстили». Свалим «гамбузом», когда играем на улице, – и за шиворот снег. Но только вот куда убегать после такого «мщения»? Если не догонит и не «отомстит» так же, то полы в обоих домах, без всякой очередности, твои на неделю. И тут уж она тебя не упустит из виду, к каждой соринке придерется, будет стоять рядом и командовать. Ефрейтор. После двух таких случаях решили, что пусть уж лучше «отомстит». Ух, с каким удовольствием она это делала.

Свалили один раз, а тут младший подбежал в общую «кучу» и давай Наде за шиворот снег пихать. Мы разбежались, а Витя остался, наги-то короче наших. С удовольствием, не спеша, схватила его за шиворот одной рукой, другой вырыла в снегу ямку, и как он не вырывался, поместила его в ямку, засыпала всего снегом и ладошкой прихлопнула снег. « Ты что делаешь, простынет же» –заступился Саша, и получил по шее. Раскидав снег Витя сел и похлопал своими большими ресницами. « Все равно напихаю тебе снег за шиворот» – говорит, и бегом в дом. « Да я тебя опять зарюю в снег, нехороший пацан» –и вроде хотела его догнать, но передумала, с другими тоже «счеты» свести надо.

За поселком была небольшая горка. И после выполнения уроков и всего необходимого по дому до позднего вечера, как и все в поселке, катались с горки на санках.

Как описать как мне нравилось когда мной командовала Надя. Как мне нравилось! Как мне нравилось выполнять её команды, слушать её, быть с ней рядом. Как бы я хотел и сейчас быть у ней «под каблуком». Мы умны «задним» умом. Это я прекратил переписку, когда вышел из детского дома, и не было на то причины.

Настали «черные» дни для братьев, кроме меня и Вити. Через неделю, как перешел Саша к нам, после того как сделали уроки, Надя попросила:

— Коля, пойдем поможешь мне.

Не спрашивая что делать накинул пальтишко. Пришли к

ним домой. Надя свернула свой матрасик, одеяльцо, простыни.

— Тетя Маша будет ругаться – поняв, говорю.

— Я должна за вами следить и днем и ночью – отвечает. Никаких вам поблажек. Будете у меня как шелковые. А мама поругается и перестанет, она не умеет ругаться.

Унесли к нам. Надя скинула с одной кровати матрасы, свернула их и откатила в угол. Протерла тряпочкой кровать, расстелила свою постель, заправила и снова ушла. Во второй раз принесла девчоночьи принадлежности – расческу, зеркальце, еще что-то; убрала с полочки, что сделал дядя Вена в мастерской, учебники на подоконник и разложила свои вещи. Вся полочка опять стала тесно занята. Братишки, пока она управлялась, смотрели на неё настороженно.

— Что уставились. Я с вами буду жить, а то вы тут совсем без догляда разбалуетесь.

— Обрадовала – сокрушенно сказал Саша.

— Витя, иди рисовать.

Витя рад такому приказу. Каждый занялся своим делом, кто «зубрить» таблицу умножения, играть в шашки, читать.

Сразу после работы родители зашли к нам. Не удивились, увидев заправленную дочкину кровать.

— Я все ждал, когда же думаю и дочка сбежит в коллектив – смеется отец.

— Дождался. Что же вы нас, «стариков», совсем одних оставили? К вам что ли и нам перебираться?

— Мама, я здесь буду лучше за ними смотреть.

— Да ты их и так зашугала.

— Командирша –пробормотал Вася.

— Да, командирша –а еще слово скажешь, вне очереди

полы мыть.

Вася промолчал. От угроз до исполнения у Нади коротко время.

— Вот видишь –смеется мама, – они не очень довольны.

— Не все. Вот Витя хочет со мной жить, правда Витя?

Витя уже побывал на коленях дяди Вены, но недолго, и опять убежал к Наде и пыхтел, разукрашивая картинку.

— Только с нами –твердо и убежденно, не отрываясь от столь серьезного занятия.

— И Коля тоже?

— Только с нами –также твердо и убежденно, стараясь подделаться под Витину интонацию—и засмеялся.

— Но а вы? –спросил остальных дядя Вена, улыбаясь.

— С нами. –Но не так твердо. Попробовал бы кто не согласиться?

Родители пробыли с нами до часа отбоя. Дядя Вена сходил, накормил скотину и тут же вернулся. После ужина Надя выгнала всех мужиков в кухню, переделась в ночнушку и «нырнув» под одеяло, позвала. Побыв с нами еще минут десять, посмотрев как мы уляглись на полу, выключили свет и ушли.

Вот так появилась у нас строгая и требовательная хозяйщи-

ка. До того требовательная, что в душе, молчком, мы «подывали», и завыли бы в голос, если бы не полы, которые в этом случае «светили» бы нам до конца нашей жизни круглосуточно. И потому даже вида недовольства не показывали.

В учебе, в заботах о друг друге, в согласии пролетали дни. И я, и Толя с пьянками родителей уже оставались на второй год в одном классе. И в этом году учебных дней было пропущено не мало. «Налегали» с Толей на учебную программу, и Саша и Надя помогали нам, и в школе учителя. Со «скрипом», но «догоняли». Как трудно было дополнительно по пару часов в день просиживать за уроками, когда солнышко растопляет снега, бегут ручьи, когда душа просится на простор, побегать, поаукать над озером, слушая ответное эхо, пройти над бегущим ручьем, слушая его говорок на камешках, и шепоток в камышах. В марте в мастерской папы наделали скворечников и развесили в ихнем небольшом садочке. Два было, да еще четыре повесили. И вечером все выходили в сад, слушали прощальную песнь солнышку трудяг-скворцов.

Весна наступила поздняя, но дружная. За неделю растопила снег и высушило дороги. И каждый день был теплее предыдущего. В начале мая перенесли стол с лавками в сад, и в саду делали уроки, под аккомпанемент скварчинного гвалта. Скворцы трудились на грядках, мы за столом. Иногда приходилось отвлекаться, прогоняя охотницу – кошку. Както она не могла понять, почему нельзя ловить скворцов, а

мышек можно. Под вечер папа уходил в наш дом, топил печку, чтобы нам теплее было спать. Но неудобно в нежилом помещении, и мы перебрались на родительскую крышу, перетаскали матрасы простыни и одеяла, наполовину забитую сеном, косили немного на подстилку свинье, а необходимую одежонку в дом; хоть и по ночам было довольно прохладно. Переселились поближе к родителям. Надя тоже с нами ночевала, в дом не захотела. Ночью подымется мать, посмотрит как мы расположились, укутает и не очень охотно возвращается в дом.

В субботу, уже по заведенному нами порядку, под вечер отправлялись все на озеро ставить фитили. С «догонялками», «перегонялками», играя, отставая и перегоняя родителей незаметно и до озера добирались. И Витя иногда просился принять его в нашей беговне, и дядя Вена спускал его со своих крепких плеч. Но большую часть пути он предпочитал «проехать». Поставив фитили возвращались не так шумно – наигрались. Утром отец будил меня и Сашу, еще до света, и мы отправлялись фитили снимать. Иногда брали с собой и Надю, когда просыпалась сама. Возвращались с рыбой а мама уже ждала на дороге первого лесовоза, чтобы увезти в Бобровку и продать не мешкая, еще живую. Надя обижалась, что её не брали, «дула губки», как смеялся папа, но нам всегда её было жалко будить, хотя по возвращении с озера, когда она чуть не плакала от обиды, обещали в следующий раз «обязательно возмемь». Но это «обязательно» продлилось

до окончания школы, когда обязанность ставить и снимать фитили три раза в неделю легли на меня и Надю.

Что может быть прекраснее, чем встреча рассвета. Идешь с озера, промокший от росы и от ноши, а навстречу тебе подымается солнышко. Сперва робко коснется тебя только чуть теплый лучик, потом лучиков все больше и они все теплее. И всю дорогу тебя сопровождает птичий хор. Хор приветствует песней восход, радуясь солнечному дню. Потом уж птицы, когда солнышко встанет и наберет силу, начнут работать, а сейчас время песни.

Отдав ношу матери, заваливаемся часик поспать. Просыпаюсь от того, что кто-то лупит довольно больно кулачком в бок. Надя; чуть не плачет —опять не взяли.

—Ну жалко же будить.

—А ну вас —и обиженно сходит с сеновала. Слышу, отцу выговаривает. Он же лучше отговорки не нашел, как «свалить» на меня, что не разбудил. Может и правильно, да только в этот день Надя со мной не разговаривала и когда я пытался с ней заговорить, отворачивалась и убегала в дом. И уроки на следующий день, в понедельник, не стала с нами делать, а в доме. И когда я робко зашел в дом, чтобы позвать её, она демонстративно, как умеют только девчонки, отвернулась.

— Что, сын, туго, —видя меня поникшего смеется отец. Надо было разбудить, пусть бы прогулялась, встретила рассвет. Это ведь такая благодать, а ты её этой благодати лишил.

— Да почему же я —то?

— Да ты ведь старший среди пацанов, тебе решать, кого брать с собой, а кого нет. Вон и Толик на тебя дуется, почему ты Сашу берешь, а Толика нет? Я тебя бужу не от того, что один не могу управиться, а чтобы подарить тебе рассвет. А ты их этого удовольствия лишаешь.

И потом, в детском доме, мне всегда подчеркивали, что я, как старший, ответственен не только за себя, но за всех, кто младше, кто слабее, кто немогшее.

Наконец, во вторник, видя что я совсем «поник», а Надя настроена более чем решительно не прощать меня, мать подзвала нас обоих:

— Надя, прости ты его. В следующий раз Коля обязательно тебя разбудит. Правда же, Коля?

Я удрученно кивнул головой.

—Ну так дайте же друг другу руки и миритесь.

Я протянул с сомнением и надеждой свою ладошку. Надя, посмотрев на меня и помешкав вложила свою ладошку в мою и крепко пожала. И просветлел мир, и лица стали светлыми, и улыбнулось солнце. Так, не разжимая ладошек выбежали на улицу и понеслись, побежали, смеясь, как будто у нас крылья выросли.

В первой декаде мая, числа седьмого, на урок пришла директор школы. И на перемене, выгнав замешкавшихся учеников, подзвала к доске и «прогнала» по всему учебному

материалу. Не то что по учебному материалу, «запутался» в таблице умножения. Посидев сокрушенно полминуты подняла глаза на покрасневшую учительницу:

— Вот и с другими такая же история.

— Так полгода же не учились, Вера Дмитриевна, откуда будут знания? Забудешь, что и знал.

— Любовь Алексеевна я прошу тебя займись всеми ими. Я других просила, всем некогда, все заняты. Это честь школы, чтобы именно эта семья была переведена в следующий класс хотя бы с твердыми тройками.

— Хорошо, Вера Дмитриевна — сокрушенно вздохнула учительница.

— Постарайся, Любовь Алексеевна управиться с ними до конца учебного года. Но если не будет хотя бы троек, нужно прихватить и часть лета. Будем с тобой поочередно заниматься, день ты, день я. В воскресенье всем выходной, но все праздники отменить. Работайте — и встав тяжело со стула, ушла.

И «поползли» дни. Занимались до вечера. Так же как уроки, сорок пять минут занятий, десять минут перерыв. Надя с Сашей сделают уроки, учительница или директор тут же просмотрит и отпускают. Ждут нас в школьном дворе. Нас же «гоняют» по всему школьному материалу. После занятий вместе возвращаемся домой.

В середине мая на перемене пришла в школу мать, тетя Маша. Зашла к директору, директор тотчас-же вышла и позвала всех учителей. Все ученики школы, от первого до восьмого класса собрались в коридоре; мы пятеро, на особицу, встали прямо у дверей директорского кабинета. Повисла тишина, не прозвенел звонок, никто и не шевелился; все смотрели на нас сочувственно, мы же не спускали взора с дверей. Тишина в коридоре такая стояла, что нам было почти все слышно что говорят за филенчатой дверью. А там «разгорались» страсти, голоса учителей то «поднимались», то насту-

пала тишина на продолжительное время. И опять кто-нибудь из учителей вполголоса высказывался, и с ней или соглашались, или приводили доводы против: « Да, но что мы можем, школа, предпринять чтобы Маше отдали ребяташек, кто нас послушает?». « Мы можем многое – директорский голос – наше ходатайство за Машу, общественное мнение многое значит. Сказать, как ребяташки жили при матери, сколько пропустили из-за пьянок и недосмотра уроков. Какая была грязь и непотребство в доме. Ведь неделями сидели эти крохи на воде и картошке. Какая же им учеба, если в голодный обморок падали на уроках, какая учеба, если кружится голова от недоедания, если дома нет чистого места, куда положить тетрадку, чтобы выполнить домашнее задание. Смотрите, какие сейчас они ходят чистые и опрятные, как стараются учиться, догнать своих сверстников. Ведь заниматься по десять часов в сутки, такая нагрузка только для взрослых. И догонят, я уверена, в июне мы их переведем в следующий класс. И не ропота, ни неудовольствия. Стараются. И по дому, что в их-них силенках, все стараются сделать».

— Я тут прохожу мимо дома Вены, смотрю, самый маленький тащит из леса сучок. – Не тяжело – спрашиваю. – Нет, отвечает – Папе надо дров, папе надо помогать.

— Что, так и сказал? – дядя Вена.

— Слово в слово.

Тишина.

— Не обманывайтесь, Вера Дмитриевна, и нас в заблуж-

дение не вводите. В этом случае общественное мнение ничего не значит. Вот если бы на суде её лишили родительских прав, если бы она написала отказную, тогда да. Но об этом на суде речи не было, и не подымался на суде этот вопрос, потому что сестры матери ребятишек заверили суд что до освобождения своей сестры они будут воспитывать племянников. И даже сейчас она не напишет отказную, не откажется от привилегии называться матерью. Ребятишки для неё, что крыша над головой, ими прикрыться: «Вон их сколько у меня», заслониться ими от укоров общества: «Что ты делаешь?»; «Я же их ращу». Требовать от общества внимания к себе, требовать помощи и получать её, и пускать эту помощь на пропой. Вот ведь, Маше с Веней не помогаем, а им то как раз и нужно бы помочь, но у нас нет средств, а государство не выделит, потому что нет у Маши и Вены прав на этих ребятишек. Для таких мам и пап, какие были у детей, ребятишки не только как щит, прикрыть свое непотребство, но и дополнительный источник дохода для своей глотки; кто же добровольно откажется от дармовых государственных денег. За полгода, что они у нас живут, и через школу выделяли денег два раза на одежду и питание для ребятишек, и в лесхозе, где отец ребятишек работал, выделяли средства – где они? Все пошло на пропой, все ушло в бездну, в ненасытную собственную утробу. И тем не менее нет у государства закона чтобы отобрать у таких родителей детей и отдать тому, кто их любит, кто их может воспитать и вырастить

из них достойных граждан. Пусть лучше купаются с рождения в дерьме, вырастут – пойдут по родительской дорожке, не может вырасти чистый от нечистого. Этим ребятишкам еще считайте повезло, вовремя их оставили родившие их, из этих еще могут вырасти люди, даже в «курятнике», куда они попадут, а тем более, если повезет, у Маши.

— Но ведь лишают родительских прав, есть же случаи.

— Никто никого не лишает, Любовь Алексеевна. Пишут «отказную» по неразумию от ребятишек, но как только лишаются «щита» от общественного мнения, незащищенности своей срамоты; а более всего, дотации на своих ребятишек, «передумывают» и забирают свою отказную, плачут и каются, уверяют, что будут жить как нормальные люди, забирают своих детей и из детского дома и от людей, что ихних ребятишек пригрели, и все возвращается на «круги своя».

Гнетущая тишина «повисла» в кабинете и в коридоре – паук если бы спускался, услышали. Тишину «разорвал» директора голос:

— В любом случае мы ничего конкретного решить не можем. Судьбу этих детей будут решать там, «наверху», но походатайствовать за Вену и Машу мы обязаны. Напишем ходатайство, все подпишемся и Маше с этим ходатайством нужно ехать в район, а потом и в город, в крайисполком. Нужно взять и с работы, Маша, характеристику и ходатайство.

— Уже взяла. Директор леспромхоза пообещал, что ес-

ли у меня что получится, лес, что приготовили для постройки кухни школьной столовой, пойдет нам на новый дом, для школьной кухни уже вновь заготавливают лес, на всякий случай; и бесплатно нам поставит. И выдал мне бумагу в край-исполком с заверением что дом для новой семьи будет построен в кратчайший срок.

— Ну вот видишь, уже есть проблески света, есть с чем ехать к районному и городскому начальству.

— Маша, и зачем тебе такая обуза. Тебе всего тридцать два, и своих ребятишек сделаете с Веной?

— Да причем здесь это. Люблю я их —голос отца сорвался.

— Для меня что Надя с Сашей, что они —одинаково —тихо промолвила мать.

И тут слова «карябнули» нас пятерых, стоящих отдельно от остальных.

— Маша, вот вы их растите уже два месяца, хоть один назвал тебя «мама»?

— «Папа» один сказал, пусть и заочно, назовут и «мама».

— Дискуссию заканчиваем. Напишем ходатайство, все подпишемся, и вперед, пробивай. Отдадим ходатайство Вене, ты Маша можешь идти.

Мама вышла, потрепала непослушные вихры Васи и пошла домой. За мамой вышли и все остальные.

— Давайте все на занятие. Звонка не будет.

В следующее воскресенье отец разбудил меня : — Сынок,

пора вставать, –и задержался на лестнице. Толком не протерев глаза, протянул руку и потряс Надюшу за плечо: –Надя, подъем. Надя села на постели, натягивая на себя одеяльце: –Отвернись, переоденусь. Лестница «удовлетворительно» за скрипела. Через минуту, с лестницы раздался Надин голос: –Все. Буди остальных. Разбудил Толю с Сашей –к рукомойнику, ополоснули мордашки и «поплелись» за папой полусонные, поминутно спотыкаясь в темноте. До озера добрались с рассветом.

Накачав лодку, отплыли от берега. Отец перестал грести: — На, Коля, весло и вперед. Сегодня все делаешь самостоятельно, я как наблюдатель. Я не смогу больше с вами ходить на озеро; выкопаем ямку, сделаем схрон, где прятать лодку и будешь с этого дня снимать и ставить фитили самостоятельно.

Пока снимал фитили, делал с братьями схрон, прятал лодку –совсем рассвело. Надя сидела на берегу и заворуженно слушала как «распеваясь», сначала робко, «пробуя» голос; потом увереннее и увереннее птицы в лесу встречают рассвет. Тронулись в путь, когда солнышко окрасило на востоке небо, но еще не показалось. И как раз в этот момент птичий концерт входит в самую силу; все птицы, все живое, и растения, как бы просит, умоляет –выгляни скорей! И солнце, уступая просьбе, вначале неохотно показывает свой бочок, пускает еще робкий лучик на землю. Пробегает лучик –раз-

ведчик по верхушкам деревьев, тут же спускается ниже, пробегая по кустам, траве, дороге, спрашивая –как, все готовы принять моих братьев –более горячих лучиков. Все готовы, всё ждет после ночи солнышка, всё ликует этому первому лучику, все ждут. И солнышко, уступая такой настойчивой просьбе все более и более выкатывает свой бочок, вот уже и всё её видать, пусть пока еще не такое жаркое. Природа приветствует солнышко, солнышко благосклонно посылает все более и более жаркие лучики на землю, приветствуя все живущее.

— Здравствуй солнышко, здравствуйте птички, здравствуй рассвет! –декламировала танцую на дороге сестра. От полноты чувств обняла меня и поцеловала в щеку, –Спасибо, братик.

И побежала по дороге, простирая руки к лесу, солнышку, обнимая ручонками небо, весь мир –Здравствуйте птицы, здравствуй солнышко, здравствуй рассвет!

Мы все остановились, с любовью глядя на сестру. Папа положил мне руку на плечо. Глянул на него –глаза лучатся: —Что сынок, подарил сестре рассвет.

Я взглянул на него с благодарностью. И мы продолжили путь. Сестра вернулась, сверкнула на нас глазенками, развернулась, и «печатая» шаг и размахивая ручками в такт шагу, пошла впереди нас. Так и шли до поселка во главе нашего славного командира. Мама уже ожидала, ожидал маму и лесовоз.

— Ну, командирша впереди всех, как и положено, — улынулась мама. Надюша с шага перешла на бег и повисла на шее матери — Мама, как хорошо — то, — и счастливая, уткнулась носиком в плечо матери.

— Да, моя хорошая. Прекрасно, что может быть прекраснее встречи рассвета. Идите, поспите немного, мои хорошие, — ставя дочку на землю, — да отцу помогать, а я поехала.

Скажите люди добрые, где мера веса, или на линейке покажите, сколько и сколько нужно отмерить благодарности сиротам своим приемным, истинным родителям, какую мерю измерить любовь. Скажите, что сказать, что сделать для людей, благодаря которым я могу радоваться жизни, что я жив, что могу каждый миг благодарить Бога за дарованную жизнь.

Учеба. Весь день, до вечера мы « догоняли » в школе своих сверстников. По отвоеванным у леса участкам прошел трактор, вспахал огороды сельчан. Мы не смогли участвовать в помощи своим родителям по посадке картошки и всего необходимого; управлялись без нас, троих. Мама с папой, Сашей и Надей рассадили все необходимое; активное участие принимал и малыш. Дали ему маленькое ведерко, сопя и пыхтя, стараясь попасть в лунку, бросал картошку. Больше « путался » под ногами конечно, но старался. Да и как не стараться, когда со всех сторон слышишь: « Ты посмотри, какой Витя молодец! », « Посмотри, да такого труженика в

поселке нет!», « Саша, у Вити лучше получается, а ты копошишься.», « Надя, положи картошки вначале Вити, а то я без него как буду садить?..». Когда со всех сторон обласкивают, подбадривают, как же не стараться. После слов учительницы, что мы не называем маму мамой, зная, что мы слышали этот упрек, родители часто и испытующе поглядывали на нас, у кого же первого «прорвется» это ласковое, заслуженное. И не могли мы маму назвать тетей Машей, но и мамой тоже. Разрядил обстановку Витя. В воскресенье, после озера, когда мама приехала с с. Бобровки, отоспавшись, всей семьей пропалывали грядки с земляникой. Обед был готов, приготовил папа, но мы решили доделать грядки а потом и сесть кушать. Сопя, трудясь, Витя все чаще и чаще поглядывал на мать, мама почувствовала кто её обласкает первый, ласково поглядывала на него «не понимая» что он сейчас скажет, что он хочет, и перебралась «случайно» к нему поближе. Наконец «непонимание» мамы Вите надоело, он уселся между грядок, уставился на маму серьезным взглядом и глядя в ласковые глаза требовательно сказал:

— Мама, я хочу кушать.

— Сынок, – схватила Витю, прижала к своей груди и рыдалась – Повтори, сынок.

Из-за плеча матери растерянный братишка – что я такое сказал – быстро обежал взглядом склоненные головы братьев и сестры, отца, и не найдя никакой поддержки, уже не так требовательно, повторил: – М а м а, я хочу кушать, – и если

первый раз у него выделено было слово «кушать», сейчас он выделил, почувствовал маленьким сердцем какое слово надо сказать, и выделил, просто произнес его по букве, выделяя каждую букву, слово — м а м а. Тут уж рыдания и слезы у мамы потекли неудержимо, она присела на скамеечку, держа крепко своего сына. Витя притих на груди у мамы, мы усердно «трудились» все, ощущая вину, что не у нас это слово было первое. И радость плачет. Успокоившись, посадила Витю на скамеечку, пошла умылась, и улыбнувшись светло и ласково, как только может мама, позвала:

— Эй, трудяги, вы уж и землянику скоро начнете выдирать, не видя, давайте за стол.

А мы и правда, не видели, всем нужно было умыться, и умыться тщательно, успокоиться.

В этот вечер баян у папы играл особенно то радостно, то грустно, с веселых переборов переходя на рыдания. Последний луч солнца, прощаясь, пробежал по верхушкам сосен, над поселком постепенно сгущалась тьма, приходила ночь, в домах зажигались огни. Мы сидели кружком возле мамы с папой и замороженно слушали баян, слушали ночь, слушали бор. А баян плакал, баян рыдал, баян рыдал, как в обед мама, также светло, и также горько. Прервав на высокой ноте, папа уронил голову на скрещенные на баяне руки. Мы слушали ночь, слушали как деревня отходит ко сну, слушали в недалеком болотце «концерт» лягушек, там же квакала утка, сзывая своих ребятишек. И ждали, когда успокоится папа.

— Это радость плачет, ребятишки –поднял он голову.

— Пора спать, дети. Коля, посмотри как у малышей постелено, уложи всех спать, укрой.

Мама с папой ушли в дом. Я взял фонарик и полез на крышу, подправил простыни, и спустившись вниз отдал фонарик сестре. Надюша быстро забралась и через минуту позвала нас: –Залезайте. Забравшись, скинув штанишки, «нырнули» под одеяло. У нас вроде как так было, что у каждого свое место, но матрасы сдвинуты тесно и получалась одна общая кровать. Ложились все по местам, младшего в середину, но ночью, повернувшись и подмяв под себя одеяло, залезали к братишке, и бывало так, что все одеяло под нами, а мы, натягивая одно оставшееся одеяло попеременно то с одного бока, то с другого, спали «кучей малой». Ночью кто-нибудь из родителей залазил, раскатывал «кучу малу», вытаскивал одеяла, опять «складывал» нас по местам, но уже не по отдельности, а в общей «куче», укрывал всеми одеялами, и как ни крутись, под себя одеяло не закрутишь. Витю ложили посередке вначале, но крутясь, скручивали под себя вначале свое одеяло, потом соседей, в том числе и Витино; он от холода просыпался, стараясь вытянуть на себя одеяло из под брата – не получалось. Переползал по братьям ко мне, а так как из с меня тем более одеяло не вытянуть, просто ложился рядом. Я почему –то всегда просыпался еще в тот момент, когда он, пыхтя, пробирался по братьям, и схватив, сунув его под одеяло, обнявшись, засыпали. И ни разу никто не проснулся,

когда нас «растаскивали» по сеновалу родители. Младший теперь всегда спал со мной. Посмотрев как укрыты братишки, пробираюсь к своему месту. В проходе меня обняли за шею теплые руки сестры и я ощутил поцелуй на щеке – У меня есть теперь старший брат – «ныряя» под одеяльце – Какое счастье!

— Ну теперь она тебя всего «измусолит», как меня раньше – донесся Сашин ревниво – удовлетворительный голос с другого конца нашей общей постели, – Не даст покоя!

И засыпая услышал приказ – А меня поцелуй, братишка. Но выполнить был в несостоянии, спал. Засыпая, размышлял, в ту, или не в ту же самую щеку поцеловала сестра, что на озере. И почувствовал вторичный поцелуй. Вот теперь точно обе щеки расцелованны – успел радостно подумать, перед тем как сон совсем сморил меня.

Утром проснулся раньше всех. Я с Витей укрыт Надюшиным одеялом, мое одеяло под братьями, Надя под тонким байковым покрывалом, ножки подтянула под подбородок, «крючком», посапывает. Если одеть Надю, Витя останется без одеяла. Подкатываю Витю к сестре и укрываю. Витя беспокойно, не просыпаясь, похлопал ручкой вокруг себя – где брат – нашел Надюшино плечо и успокоился. «Скатываюсь» по лестнице с сеновала, захожу в дом. Мама с папой спят, пусть спят, я не будить их пришел. Включаю плитку, ставлю чайник. Сходил в сенцы, наложил в бидончик яичек, по два на «брата», налил воды, зашел в дом, сунул кипятив-

ник в бидончик и включил. Так, одно дело сделано. Проверить сумки. У Надюши, аккуратистке и отличнице все нормально, а у братишек тщательнее все посмотреть. Посмотрел, доложил кому тетрадку, кому карандаш. Так-то все время просматривала сумки и собирала в школу мама. Заглянул в другую комнату – «спят». «Поспите» немного, мои дорогие, пришло время и мне и всем обласкать вас, обогреть словом. Яички сварились, чай из зверобоя закипел. Нарезал хлеба, остудил яички, разложил всем, как делает мама, на общем столе в саду. Вот теперь пора всех будить. Захожу в дом и подхожу к кровати, трогаю маму за плечо и вполне «будничным» голосом: – Мама, папа пора вставать, я кушать уже сварил. Просветлели «сонные» лица, мама притянула меня к себе и поцеловала – такие нежности – и отстранив меня, но не отпуская, глядя лукавыми глазами – А сумку свою-то не смотрел. Точно. – Ладно, иди, сама посмотри, иди, мне одеться надо. Буди остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.